

Поздним утром Фрида быстрым шагом вошла в мастерскую. В это время дня обезболивающие действовали лучше всего. Золотой, похожий на сахарный сироп солнечный свет струился сквозь окно прямо на мольберт.

— Доброе утро, сестричка! — поприветствовала Фрида скелет из папье-маше, раскрашенный в разные цвета и завернутый в одну из ее нижних юбок. Скелет подждал ее на стуле в углу. На старом столярном верстаке в маленьких стеклянных бутылочках стояли уже разведенные краски, рядом теснились глиняные горшки с кистями: одни кисти совсем тонкие, с волосками не жестче ресниц, другие потолще и на ощупь напоминают отцовский помазок для бритвы.

По всем стенам висели фотографии, рисунки и старинные маски. Когда солнечный свет падал на маски, казалось, будто они оживают. На столах и низких шкафчиках лежали и стояли ее куклы, фигурки сказочных существ, которые она лепила все эти годы, книги, блокноты, пышные букеты цветов, множество других милых ее сердцу вещей. Она подолгу рассматривала их, когда не могла найти вдохновение.

Человеку со стороны могло показаться, что в комнате царит полный беспорядок, но для Фриды каждая вещь была на своем месте. Книги на полках были расставлены по темам, папки с газетными статьями — заботливо подписаны. Иногда Диего подшучивал над ней по этому поводу, но она говорила, что унаследовала страсть к порядку от немецких предков. Ей действительно были

необходимы и эти вещи вокруг, и скреплявший их порядок.

Улыбаясь, она впитывала все это в себя и радовалась знакомой, тщательно продуманной обстановке. В предвкушении она подошла к мольберту и схватилась за край шали, которой накануне закрыла картину. Это была первая работа Фриды в натуральную величину. Она заранее задумала полотно именно таким. Все картины были для нее важны, но эта значила больше других. Она отдернула шаль, приоткрыв изображение двух голов. Две пары глаз — ее глаз — смотрели на нее из-под густых бровей, которые сходились у переносицы, напоминая расправленные крылья птицы. И все же между двумя этими Фридами имелись различия. У той, что слева, кожа была светлой и гладкой. Женщина справа смуглостью напоминала индианку. У левой Фриды был изысканный макияж, искусно заплетенные волосы лежали сияющими волнами. У правой над верхней губой угадывались усики, а зачесанные назад волосы не блестели. Эти небольшие различия бросались в глаза не сразу, нужно было внимательно присмотреться, чтобы их разглядеть.

Фрида долго рассматривала картину, а потом взяла кисть и продолжила работать над фоном, который пока состоял лишь из неба и белых облаков. Но мыслями она оставалась с Фридами на холсте. «Эти женщины — две части моей натуры», — думала она, кладя мазки на холст. Та, что слева, хочет жить как ей нравится, а та, что справа, тащит на себе бремя традиций и истории. Фриде казалось, будто в груди у нее яростно бьет крыльями большая птица и сердце вот-вот вырвется наружу, как только она снова услышит слова Диего. Те самые слова, однажды изменившие ее жизнь. Кисть застыла в воздухе. Надо сосредоточиться на картине и работать, работать... Ей необходимо найти себя в этих

двух Фридах на полотне, ведь она уже близка к тому, чтобы потеряться.

Она долго вглядывалась в картину. Чего-то явно недоставало, чего-то очень существенного. И вдруг Фрида осенило. Она нетерпеливо бросила кисть на пол, даже не потрудившись ее вымыть, и схватила следующую. На палитре она смешала красную краску с пурпурным оттенком. Это был ее любимый цвет, символизирующий все то, чем была для нее Мексика: жизнь и любовь. Не отводя глаз от полотна, она протянула руку к книжной полке и схватила одну из многочисленных книг по анатомии. Немного полистав ее, художница нашла нужную страницу, а затем быстрыми мазками набросала на холсте новую идею. Каждой из Фрид поверх платья она пририсовала по сердцу. Желудочки и кровеносные сосуды были видны как на ладони, от них прямо по ткани расходились артерии. Конец одной из артерий спускался на платье «европейской» Фриды. Кровь капала на юбку, и героиня тщетно пыталась остановить кровотечение хирургическим зажимом. Фрида снова взглянула на соединенные руки женщин на двойном автопортрете. Нет, связь между ними куда сильнее, и это должно бросаться в глаза. И тогда она нарисовала тонкую-тонкую линию — артерию, которая тянулась от одного сердца к другому. Все правильно: эти сердца перекачивают одну и ту же кровь, и один и тот же пульсирующий ритм наполняет их жизнью. Вместе этим двум Фридам, обитающим внутри нее, достанет сил выжить, и будь что будет.

Часть I

Сломанная колонна

1925–1930

Глава 1

Сентябрь 1925 года

— Ну же, хватит валять дурака и пойдём с нами! —
Алеjandro схватил Фриду за руку и попытался потянуть
ее за собой.

Фрида почувствовала, как у нее по спине пробежали
мурашки. Так бывало всегда, когда к ней прикасались.
Тем не менее она вырвалась.

— Одну минуту. Только заберу тетрадь.

Когда она вернулась, Алеjandro поджидал ее на лест-
ничном пролете с их общим другом Мигелем. Фрида за-
медлила шаг, чтобы полюбоваться им со стороны. Але-
jandro Гомес Ариас был статен и красив. Его черные
волосы блестели, от костюма веяло непринужденной
элегантностью. Фрида положила на него глаз в пер-
вый же день. Он учился на три курса старше нее и вхо-
дил в кружок друзей, которые именовали себя *качу-
час* — так в Мексике называют кепки, которые носили
молодые люди. *Качучас* были интеллектуалами, разби-
рались в современной литературе и обожали живопись.
Их кумиром был революционер Хосе Васконелос¹, ко-
торый, став министром просвещения, развернул кам-
панию по борьбе с неграмотностью и установил новые

---

¹ Хосе Васконелос Кальдерон (1882–1959) — мексиканский историк, философ и государственный деятель. — *Здесь и далее примеч. пер.*

стандарты в искусстве. Пока Фрида не присоединилась к кружку, он состоял исключительно из молодых мужчин. Вообще немногие девушки в те годы посещали Препараторию². Фрида готовилась к поступлению на медицинский факультет: как ни отговаривала ее мать, она хотела стать врачом. Но прежде всего Препаратория была для Фриды островком свободы, куда она сбегала от пристального внимания родителей и соседей. Каждый день она ездила на трамвае из погруженного в вечную дремоту пригорода Койоакан в центр города.

Фрида подтянула вязаные чулки повыше, пока они не спрятались под подолом плиссированной юбки, и бросилась бежать. Поравнявшись с Алехандро, она легонько задела его локтем: «Ну, чего встал!», а потом вихрем пронеслась мимо вниз по лестнице.

— Фрида, да погоди же! Ты совершенно невозможна.

Лестничный поворот Фрида преодолела таким гигантским рывком, что юбка взмыла вверх, обнажив колени. Крепко держась за перила, она перемахнула сразу через половину ступеней.

— Фрида! — крикнул Алехандро еще раз. — Ты разрушаешь репутацию женщин в этой школе.

Фрида закатила глаза. Она любила Алехандро всем сердцем, но почему он никак не хочет понять, что эти движения — часть ее самой. В детстве она переболела полиомиелитом, который изуродовал ее правую ногу. Но, несмотря на это, она не могла представить себе жизнь без скорости, лазанья через препятствия и танцев. И Алехандро наверняка знал об этом. Почему же все вокруг требуют, чтобы она чинно спускалась

---

² Национальная подготовительная школа при Национальном автономном университете Мехико, старейшее учебное заведение Мексики. Его выпускники имеют право поступать на профильные факультеты университета без экзаменов.

по лестнице, как пай-девочка, и чтобы никто и никогда не видел ее запыхавшейся. Лишь потому, что она женщина? Ну конечно, она женщина. И она будет настолько стремительной, насколько сама захочет.

Фрида резко остановилась посреди пролета, и Алехандро чуть не врезался в нее.

— Но я нравлюсь себе такой. А ты просто боишься, что я быстрее себя! — крикнула она. Тяжело дыша, он стоял на ступеньку выше нее, черные волосы ниспадали ему на лоб, а скулы горели огнем. Наклонившись, он прижался губами к ее губам. Фрида позволила ему себя поцеловать, затем ловко увернулась от его объятий и продолжила свой путь вниз по лестнице и через тенистый дворик.

Улица встретила ее душным полуденным зноем. На дворе стоял сентябрь, заканчивался сезон дождей, воздух был напитан влагой. С утра прошел небольшой дождик, и все дома словно вымыли с мылом.

Они зашагали по улице Аргентина в сторону Сокало, огромной центральной площади, которую украшали кафедральный собор и Национальный дворец. Сюда стекался весь город: жонглеры и уличные музыканты *мариачи*, торговцы и жулики, политики и простой люд. Фрида старалась идти как можно медленнее. Ей не хотелось возвращаться домой. Койоакан — само это название навевало скуку. Из развлечений — пыльная площадь Идальго перед церковью. В Койоакане все знали друг друга и некуда было спрятаться от неусыпного надзора соседей и священника. А здесь, на улицах столицы, теснились толпы людей. Они бродили по рынкам и сидели за столиками летних кафе. На Сокало играла музыка, реяли транспаранты или показывали фокусы бродячие артисты. Здесь всегда было на что посмотреть. И здесь она могла целоваться с Алехандро сколько захочется.

На террасах кафе в такую жару было немногочисленно. Но торговки-индианки все равно выставили свои незамысловатые лотки, сколоченные из деревянных досок. Раскрыв зонтик, Фрида медленно фланировала мимо прилавков. Торговцы сидели перед кованой оградой, опоясывающей собор, или в тени, которую отбрасывали стены домов, и предлагали купить овощи и фрукты, вышивку и керамику, и даже черепа, изготовленные из подкрашенной сахарной глазури, хотя до Дня мертвых оставалось несколько недель.

— Разве тебе сегодня не нужно к Фернандо? — заинтересовался Алехандро, пытаясь уклониться от ее зонтика. — Дождя-то сейчас нет!

— Но этот зонтик такой милый, ты не находишь? — Фрида покрутила его в руке, так что окаймляющая зонт бахрома взметнулась вверх. — И к Фернандо я сегодня не иду.

Фернандо Фернандес был графиком-рекламистом и другом ее отца. Два раза в неделю он давал ей уроки рисования. За это она помогала ему в работе.

Они остановились перед любимым киоском Фриды. Здесь торговали амулетами и *ретабло*³, нарисованными на кусочках жести. Эти картинки, которые приносили святым покровителям, когда хотели поблагодарить их или попросить о чем-нибудь, рассказывали невероятные истории о нуждах и заботах простого люда. Фрида провела пальцем по каждому *ретабло* и прочла все надписи. «В этих изображениях запечатлена душа мексиканского народа», — с глубоким почтением подумала она.

Пожилая индианка узнала ее.

---

³ Небольшие яркие картинки в знак благодарности за помощь и заступничество святого.

— Эй, — сказала она, — смотри, у меня есть кое-что новенькое. — Она показала пару картинок размером с почтовую открытку.

— Глянь-ка, женщина просит, чтобы муж не уличил ее в прелюбодеянии, и клянется отныне быть ему верной. Совсем как ты, — съехидничал Алехандро.

— Ой, ну я же рассказала тебе о Фернандо. И вообще, до этого у нас с ним дело не дошло. Но на будущее, если я решу тебе изменить, попрошу сперва помощи у Бога, чтобы ты меня не поймал.

Черт возьми, ну зачем она это сказала! Фрида быстро взяла Алехандро за руку, поднесла ее к губам и поцеловала.

— Я пошутила, — беспечно заявила она.

Ее внимание привлек амулет размером с ладонь, ярко-красный, с желтыми брызгами. А рядом с ним лежало маленькое оловянное сердце с цветной окантовкой из эмали. Внутри можно было разглядеть два профиля, мужской и женский. Очевидно, это были возлюбленные.

Фрида взяла оба амулета в руку и показала Алехандро:

— Выбирай.

— Возьми этот, — указал он на амулет.

— Ну нет. Я лучше возьму сердце, — возразила она, подарив ему красноречивый взгляд. — А теперь можно ехать, — улыбнулась она и взяла его под руку, аккуратно спрятав сердце в карман юбки.

Рядом с ними проезжала конка. Она тащилась так медленно, что едва могла их обогнать. В нос Фриде ударил терпкий запах конского пота.

— Это наша, — бросил Алехандро, приготовившись вскочить на подножку.

— Подожди, я оставила зонтик в киоске! — закрычала Фрида. — Я мигом, только заберу его.

Но когда она вернулась, конки уже и след простыл.

— Поедем на автобусе. По крайней мере, не будет так вонять, — предложила она.

Автобусы появились в городе не так давно. В основном это были старые американские «форды», приспособленные под общественные нужды. Прокатиться на автобусе считалось особым шиком.

В тот же момент красный автобус с табличкой *Coyoacán* завернул за угол. Фрида бросилась за ним. Поравнявшись с открытой дверью, она крикнула водителю:

— Стойте! Я с вами! — и прыгнула на подножку.

Водитель ударил по тормозам, и образок Божьей матери Гваделупской на лобовом стекле бешено закачался туда-сюда.

— И мой друг со мной, — добавила Фрида, с трудом переводя дух. Она протянула Алехандро руку, и он запрыгнул вслед за ней. Фрида протиснулась мимо других пассажиров, сидевших на длинных деревянных скамейках справа и слева, на заднюю площадку. Взревел мотор, автобус дернулся, и ее швырнуло на мужчину с огромным пивным животом. Едва удержавшись на ногах, она схватилась за один из поручней. Алехандро втиснулся рядом с ней. Почувствовав близость его тела, она взглянула на него и улыбнулась. В открытые окна с улицы проникал запах лепешек. На повороте водитель резко вывернул руль, и ее еще теснее прижало к Алехандро. Она почувствовала, как бьется его сердце, и ощутила приятное потягивание внизу живота.

— Извини, — промурлыкала она, но по лицу Алехандро было видно, что ему тоже доставляет удовольствие столь тесное соседство.

На следующей остановке вошли двое мужчин в забрызганных краской грубых куртках. Когда они встали